303244
114 4/34 X

5104

114 4

34

114 4/34 40

ТАГАНРОГЪ,

ИЛИ

ПОДРОБНОЕ ОПИСАНІЕ

БОЛѢЗНИ И КОНЧИНЫ

ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО,

ВЪ БОЗѢ ПОЧИВАЮЩАГО.

Составленное

НИКОЛАЕМЪ ДАНИЛЕВСКИМЪ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

при Императорской Медико-Хирургической Академіи.

1828.

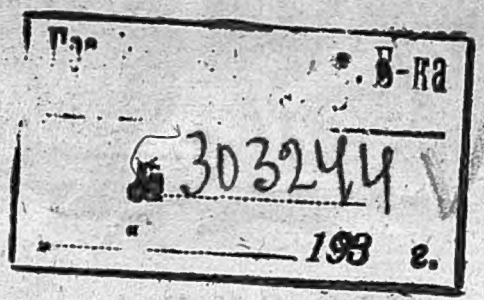
N 376. — 1. 50

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были *семь* экземпляровъ сей книги въ Цензурный Комитетъ, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Москва, Февраля 10 дня, 1828 года.

Въ должности Председателя,

Цензоръ Сергѣй Аксаковъ.



МОИМЪ
СООТЕЧЕСТВЕННИКАМЪ.

Гдѣ ТЫ, Ошечествa сынъ милый? . . .
Гдѣ ТЫ? . . . Но съ Юга звукъ унылый
До насъ дошелъ. . . . Ужъ нѣтъ ЕГО! . . .

Кн. Зенаида Волконская.

Россія забывала уже бурю брани, возникшую отъ гибельнаго властолюбія *Наполеона*; уже наслаждалась она мирнымъ благоденствіемъ и подъ тихою сѣнію небосклона не гремѣлъ болѣе громъ славолюбія,— Александръ Благословенный, Любимецъ Неба и земли, чаровалъ души и сердца всѣхъ народовъ! — Но настало грозное время — смерть, леденѣлыми руками схвативъ роковую косу свою, подсѣкла благодѣтельные дни Александра Іго! Ужасное и вмѣстѣ горестное извѣстіе о семъ событіи достигло вѣрныхъ Сыновъ Россіи; хладный трепетъ объялъ сердца ихъ. Осиротѣвшіе, они добровольно пре-

давались слезамъ скорби и печали!.. Какъ неплакать и не рыдать народамъ, воспоминая о кончинѣ Того, Который, заключалъ въ сердцѣ Своемъ доброту дивную, единственную, облагодѣтельствовавшую милліоны людей? Витай, безсмертная тѣнь Обожаемаго АЛЕКСАНДРА! надъ любимымъ Твоимъ Отечествомъ, Россіею, и въ сонмѣ Ангеловъ небесныхъ умоляй Всевышняго: да сохранитъ Онъ его отъ всякихъ бѣдъ и напастей и осѣнитъ благополучіемъ и новою славою....

Н. Данилевскій.

ПОДРОБНОЕ ОПИСАНІЕ

БОЛѢЗНИ И КОНЧИНЫ

ВЪ БОЗѢ ПОЧИВАЮЩАГО

ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО.

Легко можно упрапить благополучіе дней мирной жизни: но трудно — очень трудно переносить его упрапу! Виновникъ счастія многихъ народовъ, переселяющійся въ вѣчность, лишая ихъ, такъ сказать, счастія зрѣть своего Благодѣтеля — чувствительнѣйшимъ образомъ поражаетъ облагодѣтельствованные Имъ народы и напечатлѣваетъ въ сердцахъ ихъ мрачное уныніе и скорбь чрезмѣрную!...

»*Нѣтъ болѣе АЛЕКСАНДРА!*« — Подобно электрической искрѣ перелетала вѣсть сія отъ самыхъ хладныхъ странъ Сѣвера до цвѣтущихъ краевъ Полудня, а отъ Полудня раздалась во всѣ концы подлуннаго міра. —

Москва, — сія шумная Столица, престарѣлая мать городовъ Россійскихъ, воспрепетала при слухѣ таковой ужасной вѣсти! . . Сначала почитали ее сомнительною; боялись въ слухъ говорить объ ней даже искреннимъ друзьямъ своимъ; уныло перешептывались о невѣроятности, невозможности пронесшагося слуха; въ темныхъ догадкахъ разбирали источникъ выдумки, казавшейся для всѣхъ обманчивою. — Но наконецъ спала завѣса сомнѣнія; ужасный свѣтъ озарилъ Россію! . . Гибельная увѣренность, что она дѣйствительно лишилась Обожаемаго своего МОНАРХА, сразила всѣхъ и повергла добродушныхъ Москвитянъ въ неизъяснимую горесть. Первые разговоры свиданій съ знакомыми начинались пе-

чальною вѣстію о кончинѣ АЛЕКСАНДРА, послѣднія съ ними прощанія заключались тѣмъ же; такимъ образомъ вездѣ слышенъ былъ отголосокъ скорби тоскующаго сердца по Незабвенномъ *Отцѣ Отечества!..*

Начались во всѣхъ домахъ изустныя описанія Его великодушія, милосердія, кротости, благочестія, воинскихъ доблестей, словомъ, — всѣхъ добродѣтелей, поставляющихъ Его на чреду *Великихъ Монарховъ;* всякой, даже самый послѣдній гражданинъ, съ любопытнымъ нетерпѣніемъ выслушивалъ анекдоты о немъ и въ усердныхъ разсказахъ оныхъ другимъ съ чувствомъ патріотизма и вѣрноподданическою горячностію любви прибавлялъ какое-либо свое замѣчаніе, дабы тѣмъ болѣе умножить цѣну своего разсказа и хотя словесно возвеличить славу Того, о Комъ столь охотно вездѣ идетъ рѣчь съ сладкимъ унынiемъ и горестію. —

Въ Бозѣ почивающая ГОСУДАРЫНЯ ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСѢЕВНА, будучи суп-

ругою Александра и Царствующею Императрицею обширнѣйшаго Государства Россійскаго, была совершенно счастлива и ничего не имѣла желать болѣе: но нѣтъ! въ сердцѣ чувствительной Монархини хранилось тайное желаніе быть *по природѣ Матерью*, желаніе драгоцѣнное — обожаемому Супругу Своему доставить Наслѣдника! — Время текло быстро и — съ каждымъ протекшимъ днемъ уносило часть Ея здоровья такъ, что старанія искуснѣйшихъ Медиковъ оставались безполезными. — Сверхъ того кровожадное вторженіе *Наполеона* въ предѣлы Россіи; долговременная разлука съ Супругомъ; Его всегдашнее присутствіе въ арміи и опасности, коимъ Онъ безбоязненно подвергался, — болѣе и болѣе умножали болѣзнь Императрицы, Которая, по совѣту отличнѣйшихъ Медиковъ, изволила отправиться въ Баденъ для пользованія Своего теплыми водами. Можетъ быть счастливая перемѣна климата, либо

цѣлительныя силы Баденскихъ водъ — имѣли вліяніе на поправленіе Ея здоровья; можетъ быть, успѣшное окончаніе войны съ Французами, а чрезъ то достиженіе славы Россіи, либо желанное возвращеніе обожаемаго Супруга — служили также источниками Ея выздоровленія! —

Нѣсколько лѣтъ послѣ того ИМПЕРАТРИЦА, казалось, наслаждалась благоденствіемъ здравія. Наконецъ ужасное наводненіе С.Петербурга (1824 го года Ноября 7 го), тронувшее глубоко чувствительность незабвенной Монархини, и гибель народа, съ таковымъ несчастіемъ соединенная, возобновили болѣзнь Ея. Жизнь Ея, исполненная добродѣтелей и доставлявшая чувствительную отраду многимъ гонимымъ судьбою, начала примѣтно угасать, подобно лампадѣ, и внутреннее ощущеніе болѣзни, Ею прежде таимое, наконецъ, къ сожалѣнію, явно открылось! . . Великодушный АЛЕКСАНДРЪ, съ особенною попечительностію

ностію зоботясь о возстановленіи здоровья Августѣйшей Супруги Своей, рѣшился тогда, по совѣту искуснѣйшихъ Медиковъ Двора Своего, оставить на нѣкоторые время Столицу Сѣвера (С.Петербергъ) и предпринять путешествіе въ Южную Россію, гдѣ городъ Таганрогъ долженствовалъ служить мѣстопребываніемъ ИМПЕРАТРИЦЫ, дабы съ перемѣною климата достичь желаемой цѣли путешествія, то есть, совершеннаго выздоровленія ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ!....

Извѣстно, что предъ рожденіемъ АЛЕКСАНДРА было большое наводненіе (1777 года); по вступленіи Его на Престолъ также (1802 года), хотя не столь великое, и наконецъ 1824 года Ноября 7-го дня. Изъ сего заключили нѣкоторые, что въ судьбѣ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА должна возпослѣдовать перемѣна. Пожаръ церкви Преображенія, объявшій пламенемъ все зданіе, а по утушеніи оказавшій, что однѣ токмо главы совершенно сгорѣли, все прочее

же пострадало немного, — подавалъ поводъ суевѣрнымъ людямъ къ новымъ толкамъ. — Появленіе кометы заставило многихъ призадумашься. Такимъ образомъ до отъѣзда ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА въ Таганрогъ многія событія даже прежнихъ временъ замѣчены были гораздо обстоятельнѣе и на умы суевѣрные производили великое впечатлѣніе. — Всего замѣчательнѣе обстоятельство, случившееся при послѣднемъ отъѣздѣ ГОСУДАРЯ изъ С. Петербурга. Онъ имѣлъ обыкновеніе, предъ всякою поѣздкою Своею, служить молебенъ въ Казанскомъ Соборѣ; но въ то время было совсѣмъ иначе. За нѣсколько дней до 30-го Августа, т. е. дня пренесенія Мощей Святаго Благовѣрнаго и Великаго Князя Александра Невскаго изъ Владиміра въ С.Петербургъ, Преосвященнѣйшій Митрополитъ, по обыкновенію, пригласилъ Благочестивѣйшихъ Государей и Августѣйшую ИМПЕРАТОРСКУЮ Фамилію для слушанія въ тотъ день Бо-

жественной Литургіи въ Лаврскомъ Соборѣ. Государь Императоръ, согласясь на таковое приглашеніе, изъявилъ Преосвященному Митрополиту желаніе отслушать тамъ же, въ день отъѣзда Своего въ Таганрогъ, то есть 1-го Сентября, молебенъ въ 4-мъ часу утра, который совершить просилъ Онъ самаго Преосвященнаго Митрополита съ Лаврскою братіею, подтвердя, чтобъ никто не зналъ о семъ Его посѣщеніи, и чтобъ не употреблять въ то время свѣтло-торжественнаго облаченія, но неблистательное. Для сего наканунѣ праздника (30-го Августа) въ большомъ количествѣ доставлено въ Лавру восковыхъ свѣчъ, ладона и оливковаго масла.

Наступилъ день 1-го Сентября. Въ назначенный часъ Митрополитъ въ богатомъ (рытаго малиноваго бархата по золотому грунту) облаченіи, Архимандриты и вся братія вышли заблаговременно для срѣтенія Императора къ воротамъ Лаврскимъ. Все

безмолвствовало, глубокая тишина ночи царствовала надъ Столицею Сѣвера! вдругъ — легкая коляска, запряженная тройкою, быстро подъѣзжаетъ въ $4\frac{1}{4}$ часа къ воротамъ монастырскимъ, останавливается; — кто-то сходитъ въ сѣромъ плащѣ, въ фуражкѣ, вицъ-мундирѣ, безъ шпаги и безъ всякаго сопровожденія (даже безъ лакея). — Это былъ Самъ ИМПЕРАТОРЪ!.. Не въѣзжая въ ворота, Онъ поспѣшно сошелъ съ коляски, приложился къ животворящему Кресту. Окропленный Святою водою, принялъ благословеніе отъ Митрополита и сказалъ: »*Я нѣсколько опоздалъ пріѣздомъ.*« Идучи въ Соборную церковь, приказалъ Онъ затворить Лаврскіе ворота. Входитъ, — монашествующіе пѣли тогда тропарь: *Спаси Господи люди Твоя* и проч., — останавливается предъ ракою Святою Александра Невскаго. Началось обычное молебствіе, какъ чинъ благословенія въ путешествіе, — ГОСУДАРЬ съ благоговѣніемъ

усердно молился и часто клалъ земные поклоны. Во время чтенія Святаго Евангелія, ИМПЕРАТОРЪ, подошедъ къ Преосвященному Митрополиту, сказалъ :« *Положите мнѣ Евангеліе на голову.* »Митрополитъ исполняетъ волю МОНАРХА, Который при семъ въ смиреніи преклоняетъ колѣно и слушаетъ Божественныя слова. Молебенъ кончился, ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ прикладывается къ Святому Кресту; Его окропили Святою водою, а вмѣстѣ съ симъ Митрополитъ благословилъ Его иконою Спасителя. ГОСУДАРЬ принялъ оную, приложился, взялъ благословеніе Митрополита и потомъ, оборотясь къ Перводіакону, сказалъ: »*Доставте сію икону въ мою коляску.*« За симъ положилъ онъ три земныхъ поклона предъ Мощами Благовѣрнаго Князя, приложился къ его образу и изволилъ раскланяться съ бывшими при молебствіи. — Прощаясь съ Митрополитомъ, сказалъ: »*ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА*

ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСѢЕВНА вчерашній день была въ Казанскомъ Соборѣ и Ей теперь лучше!« — Изшествіе Его Величества было тѣмъ же порядкомъ, какъ при встрѣчѣ. —

Вышедши изъ церкви, Преосвященный Митрополитъ просилъ ГОСУДАРЯ пожаловать къ нему въ келью. »*Очень хорошо*, отвѣчалъ ИМПЕРАТОРЪ, *только не надолго; Я уже и такъ полчаса по маршруту промѣшкалъ!*« — Такимъ образомъ отъ Собора всѣ провожавшіе поворотили къ дому Митрополита и вошли въ залу. Государь съ Преосвященнѣйшимъ удалился въ гостиную; принявъ снова у него благословеніе, Онъ сѣлъ и просилъ Преосвященнаго сѣсть подлѣ Него. Чтобы склонить разговоръ къ предмету, гораздо занимательнѣйшему для Высокаго Гостя, Митрополитъ сказалъ: »*Ваше Величество, я знаю, »что Вы вездѣ жалуете схимниковъ, »и въ нашей Лаврѣ есть нынѣ схим»никъ; не благоволите ли приказать*

«*позвать его?*» *Хорошо, позовите!* отвѣчалъ Государь.

Схимникъ тотчасъ былъ призванъ и представленъ МОНАРХУ, который благосклонно принялъ его, просилъ у него благословенія и разговаривалъ съ нимъ нѣсколько минутъ. Уходя, достопочтенный старецъ сказалъ умиленнымъ голосомъ: *ГОСУДАРЬ, сдѣлай милость удостой и мою келью Своимъ посѣщеніемъ!* .. Императоръ изъявилъ на то Свое согласіе.

Келья схимника находилась у самаго подъѣзда, къ которому подана уже была коляска. Дверь отворилась, входятъ, — мрачная картина поражаетъ взоры Государя! .. Полъ и всѣ стѣны до половины обитыя чернымъ сукномъ, большое Распятіе съ предстоящими Богоматерію и Евангелистомъ Іоанномъ, длинная черная скамейка и лампада предъ Святыми Иконами, тускло освѣщавшая печальное жилище схимника — вотъ что представилось Августѣйшему Посѣтителю сего старца. *ГОСУДАРЬ*, какъ будто пораженный,

остановился. — При входѣ, схимникъ палъ предъ Распятіемъ, читая молитву, и оборотясь къ ИМПЕРАТОРУ, сказалъ: *ГОСУДАРЬ, молись!* и ГОСУДАРЬ положилъ три земныхъ поклона. Схимникъ, взявъ потомъ Крестъ, прочелъ отпустъ и осѣнилъ Его.

За симъ МОНАРХЪ сѣлъ съ Митрополитомъ на черную скамейку, а схимникъ, оприцаясь долгое время отъ высокой чести сѣсть съ ними, по приказанію ГОСУДАРЯ, занялъ мѣсто поодаль отъ нихъ. »*Все ли здѣсь имущество схимника? гдѣ онъ спитъ? Я не вижу постели,*« спросилъ ИМПЕРАТОРЪ въ полголоса Митрополита. *Спитъ онъ,* отвѣчалъ Преосвященный, *на томъ же полу предъ симъ самымъ Распятіемъ, предъ которымъ молится!* . .

Вслушавшись въ слова сіи, схимникъ всталъ и сказалъ: *нѣтъ, ГОСУДАРЬ! и у меня есть постель; пойдемъ, я покажу Тебѣ ее.* Съ сими словами повелъ онъ ИМПЕРАТОРА за перегородку

въ своей кельѣ, гдѣ представилось для Государя зрѣлище сколь поразительное, столь и ужасное!.. На столѣ стоялъ черный гробъ, въ коемъ лежали схима, свѣчи, ладанъ и все принадлежащее къ погребенію. Казалось, жилище схимника было жилищемъ смерти!.. »*Смотри*, сказалъ схимникъ, указывая на гробъ, »*вотъ постель моя* »*и не моя только, а постель всѣхъ* »*насъ; въ ней всѣ мы, ГОСУДАРЬ,* »*ляжемъ и будемъ спать долго!*« — Молча, погруженный въ размышленіе, стоялъ МОНАРХЪ нѣсколько минутъ. Когда отошелъ Онъ отъ ужаснаго гроба, схимникъ обратился къ Нему съ сими словами: »*ГОСУДАРЬ! я* »*человѣкъ старой и много видѣлъ на* »*свѣтѣ; благоволи выслушать слова* »*мои. До великой гумы въ Москвѣ* »*нравы были гище, народъ набожнѣе;* »*но послѣ гумы нравы испортились.* »*Въ 1812 году наступило время ис-* »*правленія и набожности; но по окон-* »*чаніи войны сей, нравы еще болѣе*

»испортились. *ТЫ ГОСУДАРЬ* нашъ »и долженъ бдѣть надъ нравами. Ты »сынъ Православныя Церкви и долженъ »любить и охранять ее. Такъ хо»щетъ Господь Богъ нашъ!« — Выслушавъ сіи слова старца, МОНАРХЪ обратился къ Преосвященному и сказалъ ему: »*Многія длинныя и красно»рѣчивыя рѣчи слышалъ Я: но ни »одна такъ Мнѣ не понравилась, какъ »краткія слова сего старца. Жалѣю* »(сказалъ Онъ потомъ схимнику), *что »Я давно съ тобою не познакомился!*« и обѣщался посѣщать его. — За симъ взявши у него благословеніе, вышелъ изъ его кельи вмѣстѣ съ Митрополитомъ. Проходя мимо братіи, стоявшей въ два ряда отъ кельи схимника до коляски, ГОСУДАРЬ просилъ молитвъ ихъ; еще разъ принялъ благословеніе Преосвященнаго Митрополита. Садясь въ коляску, Онъ поднялъ къ Небу глаза, орошенные слезами и, обратясь еще къ Митрополиту и братіи, умиленнымъ голосомъ сказалъ: »*Помоли-*

»*тесь обо Мнѣ и о женѣ Моей!*« — Лаврою, до самыхъ воротъ, Онъ ѣхалъ съ открытою головою, часто оборачиваясь; кланялся и крестился, смотря на Соборъ. — И такъ мрачная келья, открытый гробъ со всѣми принадлежностями къ похоронамъ — были послѣдними предметами, представившимися въ Бозѣ Почивающему Государю при выѣздѣ Его изъ С.Петербурга!.. Казалось, Онъ самъ имѣлъ темное предчувствіе о своей кончинѣ. Бывало, проѣзжая съ Каменнаго Острова Невскіе мосты, обнаруживалъ Онъ веселость, восхищался плавностію рѣки, великолѣпіемъ зданій и набережною; но въ послѣдній свой отъѣздъ изъ Столицы, какъ замѣтили, Онъ былъ задумчивъ и въ смутномъ молчаніи смотрѣлъ, проѣзжая мимо крѣпости, на Петропавловской Соборъ, гдѣ почиваетъ прахъ Великихъ Его Предковъ.... Когда Его Величество готовъ былъ уже отправиться въ *Таганрогъ*, тогда Камердинеръ спросилъ

Государя: *когда прикажете ожидать Ваше Величество?..* Монархъ, указавъ ему на икону Спасителя, стоявшую въ кабинетѣ Его, сказалъ: »*Ему Одному извѣстно это!*« —

Проѣхавъ заставу, Государь приказалъ остановиться экипажамъ, поднялся въ колескѣ на ноги и съ четверть часа изволилъ смотрѣть на Столицу Свою, во всѣ стороны, и какъ будто сердце предвѣщало — въ послѣдній разъ!!!.. Такимъ образомъ Императоръ Александръ отправился въ предназначенный путь къ *Таганрогу*. Государыня Императрица Елисавета Алексѣевна черезъ день послѣ Него, то есть 3 Сентября, также оставила С.Петербургъ и слѣдовала за обожаемымъ Своимъ Супругомъ. —

Самъ Монархъ съ великою заботливостію на каждой станціи осматривалъ приготовляемыя кварпиры для слѣдующей за Нимъ Супруги Его, гдѣ будучи особенно доволенъ, публично благодарилъ начальниковъ за стараніе

по возможности улучшивать какъ дороги, такъ и квартиры для Ея Величества.

Прибывъ прежде ИМПЕРАТРИЦЫ въ Таганрогъ, первыя Его заботы были устроить дворецъ, какъ можно покойнѣе для Августѣйшей Своей Супруги; Онъ не оставилъ ни одного уголка безъ собственнаго Своего обозрѣнія, чтобы нигдѣ не дуло и чтобъ всѣ выгоды были соблюдены для Ея спокойствія. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ встрѣтилъ ИМПЕРАТРИЦУ за одну станцію отъ города и съ Нею вмѣстѣ въѣхалъ въ городъ. — По прибытіи въ оный, Онъ былъ съ Нею неразлученъ. День начинался тѣмъ: Она встанетъ, Ему доложатъ; спроситъ чаю, Ему доложатъ; изволитъ ѣхать гулять, Ему докладываютъ; возвратится, также. Онъ наблюдалъ всѣ Ея движенія, и симъ попеченіемъ и нѣжною заботливостію, равно вліяніемъ кроткаго климата, укрѣплялось Ея здоровье со дня на день. — Столь счастливая перемѣна исполнила всѣхъ Россіянъ радостію

и надеждою : но онѣ не долго продолжались ! . . .

Радостная перемѣна въ здоровьѣ ИМПЕРАТРИЦЫ произвела ощутительное впечатлѣніе на самаго МОНАРХА. Онъ хотѣлъ уже отложить столь желанное прежде путешествіе въ Крымъ: но прибытіе Графа Воронцова, имѣющаго тамъ большія помѣстья, перемѣнило Его намѣреніе ; Онъ обѣщалъ Графу объѣхать Крымъ и хотѣлъ сдержать Свое обѣщаніе. — Для сего Генералу Дибичу повелѣлъ Государь начертить планъ сего путешествія, что и было немедленно исполнено. »*Вашъ маршрутъ*, сказалъ Онъ Ге»нералу Дибичу, *слишкомъ продол»жителенъ; сократите его.*« — Генералъ сократилъ и поднесъ его Императору. »*Какъ ! двадцать дней въ»ды; кажется, вы ничего не убавили,* »сказалъ Государь, *сократите, со»кратите.*« — И такъ путешествіе, по послѣднему плану, должно было совершиться въ семнадцать дней. На-

канунѣ отъѣзда въ Крымъ, Его Величество изволилъ писать собственноручное письмо къ Августѣйшей Своей Родительницѣ. Это было по полудни въ 4мъ часу. Вдругъ небо помрачилось, нашла туча и сдѣлалось темно. Государь приказалъ подать свѣчи, между тѣмъ небо прояснилось. Камердинеръ, подавшій свѣчи, осмѣлился доложить Ему: »*не прикажете ли, Ваше Величество, принять свѣчи?*« — Государь спросилъ: »*для чегожъ?* — »*Для того*, отвѣчалъ Камердинеръ, *что на Руси со свѣчами днемъ писать не хорошо!* — »*Да развѣ въ этомъ* »*что нибудь заключается?* прервалъ »Государь, *скажи правду; вѣрно ты* »*думаешь, что увидѣвъ съ улицы* »*свѣчи, подумаютъ, что здѣсь по*»*койникъ?*« — *Точно такъ, Государь по замѣчанію Русскихъ.* »*Ну! естьли* »*такъ*, сказалъ Императоръ, *то возь*»*ми свѣчи.*« — Такимъ образомъ это замѣчаніе было оставлено безъ всякаго вниманія. —

На другой день, то есть 20 *Октября*, выѣхалъ Государь изъ Таганрога въ Крымъ и въ первые дни путешествія Своего былъ очень веселъ и разговорчивъ. — 25 *Октября* отправился Онъ изъ *Симферополя* къ южному берегу полуострова и проскакалъ верхомъ 35 верстъ, чтобы доспичь до *Юрсуфа*. Экипажи, въ томъ числѣ кухня и мепрдотель, должны были ожидать Государя въ *Байдарѣ*. Это-то, по мнѣнію Доктора Вилліе, Главнаго Лейбъ-Медика Его Величества, было главною причиною болѣзни Государя; ибо дорогою принужденъ Онъ былъ вкушать хотъ весьма хорошо приготовленную пищу: но несовершенно сходную съ обыкновенно употребляемою Императоромъ. Замѣчено, что Онъ, противу обыкновенія, много кушалъ плодовъ. Въ сей день въ *Юрсуфѣ* обѣдалъ Государь очень поздно. —

26 *Октября* поѣхалъ Онъ въ *Алупку*, имѣніе Графа Воронцова, дорогою осматривалъ *Никитинской садъ*

и много гулялъ пѣшкомъ. Потомъ былъ на новокупленной Имъ у Графа Кушелева-Безбородко мысѣ *Оріендъ*; тамъ Его угощали; освѣпили плошками ущелья горъ, что было очаровательно; пили Его здоровье и Онъ болѣе получаса стоялъ безъ шляпы въ самый жестокой вѣтеръ. Оттуда отправился одинъ къ Княгинѣ Голицыной, во владѣніи коей господствовала тогда лихорадка. Ночь провелъ Императоръ у одного Татарина. —

27 *Октября*. Прибывъ въ *Алупку*, обѣдалъ Онъ очень поздно; кушалъ много плодовъ. Утромъ отправился Государь пѣшкомъ изъ *Алупки* и, сѣвъ послѣ на лошадь, проѣхалъ болѣе 40 верстъ. Дорогою жаловался на свою лошадь. Ему надлежало проѣзжать по весьма дурной и гористой дорогѣ, чтобы достичь селенія, принадлежащаго Мордвинову и находящагося во внутренности сего края. День былъ жаркой, вѣтеръ ужасной. Такимъ образомъ дорогою Онъ долженъ былъ

или спускашься съ горъ, либо поднимашься на горы. А какъ извѣстно, что у подошвы горъ было хотя очень жарко, однакоже на вершинѣ оныхъ холодно, и чѣмъ выше, тѣмъ холоднѣе; къ тому же была жестокая буря. Государь, находясь въ долинахъ (въ низу горъ) снималъ отъ жару фурашку, какъ чрезъ минуту, поднявшись на высоту, чувствовалъ тому противное и опять надѣвалъ ее. По прибытіи въ *Байдаръ*, Онъ ничего еще не вкушалъ. Сѣвши въ свою коляску, чтобъ ѣхать въ *Севастополь*, былъ Онъ уже въ большомъ ослабленіи. На станціи, въ двухъ верстахъ отъ *Балаклавы*, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ съ Генераломъ Дибичемъ на смотръ Греческаго баталіона, состоявшаго подъ командою Равальопа; послѣ того завтракалъ у Баталіоннаго Командира и кушалъ немного извѣстнаго рода крылатой рыбы, которая весьма жирна. Въ *Балаклавѣ*, сѣвъ въ коляску, ѣхалъ до того мѣс-

ша, гдѣ дорога отходитъ въ монастырь *Св. Георгїя*. Тамъ, сѣвши опять на лошадь, поѣхалъ въ означенный монастырь въ сопровожденіи одного фельдъегеря, двухъ Татаръ и переводчика, не взявши ни сертука, ни шинели, хотя солнце садилось, вѣтеръ довольно былъ силенъ и воздухъ весьма прохладенъ. Когда спросили Его: *не угодно ли надѣть шинель или буркy?* «*Не надобно!*» отвѣчалъ Государь. Въ монастырѣ пробылъ Онъ около часа. Оттуда на возвратномъ пути въ *Севастополь*, вставъ съ лошади, сказалъ Онъ: »*Очень холодно!*» Ему подали тотчасъ шинель. Взявъ оную, сѣлъ Онъ въ коляску и отправился. Вечеромъ, при свѣтѣ факеловъ часу въ десятомъ прибылъ въ *Севастополь*; посѣтилъ Храмъ Божій и при свѣтѣ же факеловъ дѣлалъ смотръ морскимъ полкамъ. Потомъ спросилъ обѣдать: но ничего не кушалъ, а занимался приказаніями для слѣдующаго дня. —

28 *Октября*. Императоръ въ одномъ

мундирѣ присутствовалъ при спускѣ корабля и тамъ завтракалъ; осмотрѣлъ военную гошпиталь, находящуюся въ трехъ верстахъ отъ города, а по возвращеніи выслушивалъ всѣхъ до третьяго часа. — За симъ прогуливался пѣшкомъ по берегу моря и приказалъ подать катеръ, чтобы посмотрѣть линейный корабль, недалеко стоявшій на якорѣ, и въ томъ же катерѣ переправился на противолежащій берегъ, гдѣ посѣтилъ морскую гошпиталь и казармы, въ коихъ воздухъ былъ чувствительно сыръ и холоденъ. Изъ казармъ Государь поѣхалъ за пять верстъ на *Александровскую батарею* и приказалъ оной стрѣлять свѣтлыми ядрами. Домой возвратился поздно, обѣдалъ со всѣми своими Генералами, а послѣ занимался съ Генераломъ Дибичемъ долѣе обыкновеннаго. . . Въ сей день замѣтили перемѣну въ лицѣ Его, Онъ не жаловался на голову: но на балъ не поѣхалъ, а отказался. —

29 *Октября* экипажи переправились

на другой берегъ, а Государь дошелъ пѣшкомъ до самаго моря, сѣлъ въ катеръ и поплылъ въ *Константиновскую батарею;* тамъ подали Ему дрожки и Онъ ѣздилъ осматривать укрѣпленія. Поступокъ одного флотскаго офицера, находившагося подъ военнымъ судомъ и бросившагося Государю тогда въ ноги, прося помилованія, произвелъ на разстроенные уже нервы Его весьма сильное впечатлѣніе. Осмотрѣвъ укрѣпленія, Государь поѣхалъ въ колескѣ въ *Бакчисарай.* Онъ не былъ совершенно боленъ; но чувствовалъ нѣкоторую слабость, коей причину приписывалъ барбарисному соку, который Онъ пилъ. —

30 *Октября* пріѣхалъ Императоръ въ крѣпость *Джуфуткале* (Жидовская крѣпость) мѣстечко, населенное *Жидами* (Караимами или Кораитами), смотрѣлъ ихъ *Синагогу* (молитвенный храмъ); на возвратномъ пути въ *Бакчисарай*, осмотрѣлъ Онъ близъ лежащій Греческій монастырь и, при-

ѣхавши назадъ, говорилъ, что *чувствуетъ себя нездоровымъ*, чего однакожъ, по наружности, нельзя было замѣтить. Обѣдалъ Онъ съ Магометанскими сановниками и весьма былъ благосклоненъ. Ввечеру, увидя нѣсколько мечетей, пошелъ Онъ къ одному изъ обывателей, чтобъ увидѣть обряды ихъ Богослуженія. Въ тотъ же вечеръ призвалъ Онъ Вилліе и разговаривалъ съ нимъ о состояніи здоровья Императрицы Елисаветы Алексѣевны. — »*Я очень жалѣю*, сказалъ Его Вели»чество, *что не могъ быть при Ней*, »*когда получила Она извѣстіе о кон»чинѣ Баварскаго Короля!*« — Потомъ разспрашивалъ Онъ у Доктора о томъ, что пишетъ къ нему Лейбъ-Медикъ Императрицы Штофрегенъ, на счетъ Ея здравія, и самъ признался, *что* »*страдаетъ и что уже нѣсколько ночей* »*худо спалъ*; *но*, *не смотря на то*, »прибавилъ Онъ, *ты и лѣкарства* »*твои Мнѣ не нужны*; *Я умѣю самъ* »*себя лѣчить!*» — Вилліе осмѣлился

Ему представишь, что въ Его положеніи одинъ пріемъ ревеню былъ бы вовсе неизлишнимъ. — *Оставь Меня въ покоѣ*, возразилъ Государь, »*Я уже сказалъ тебѣ, что не хочу лѣкарствъ.*« — Съ сего времени до самаго пріѣзда въ *Маріуполь*, всякой разъ, когда Вилліе освѣдомлялся о здравіи Императора, Его Величество отвѣчалъ: »*Я здоровъ; не говори Мнѣ ничего о лѣкарствѣ!*« —

31 *Октября*. Изъ *Бакчисарая* поѣхалъ Государь въ *Козловъ* (Евпаторію), близъ коего находящіяся болота производятъ часто гнилой и заразительный воздухъ. Здѣсь осматривалъ Онъ церкви, мечети, синагоги, казармы и карантины; разговаривалъ долго съ однимъ Капитаномъ Турецкаго корабля, не выдержавшимъ еще карантина. —

Не смотря на то, что Государь Императоръ вообще не любилъ не только принимать лѣкарствъ, но даже и говорить объ оныхъ, особенно за

столомъ; однакоже при обѣденномъ столѣ, бывшемъ между *Знаменкой* и *Орѣховымъ*, сверхъ обывновенія, разспрашивалъ Онъ Своего Лейбъ-Медика о Крымскихъ лихорадкахъ и внимательно слушалъ объ оныхъ сужденіе Виллі̀е; наконецъ спросилъ: »*Знаете ли вы* »*дѣйствительное средство противъ* »*сей болѣзни?*« — Виллі̀е назвалъ оное. »*Есть ли оно у васъ въ походной ап-*»*текѣ!*« — Лѣкарство тотчасъ было принесено и, не смотря на отвращеніе Государя ко всему тому, что сильно пахнетъ, Онъ отвѣдалъ его нѣсколько разъ и въ продолженіи пути оказывалъ особенное отвращеніе ко вкусу сего лѣкарства. При семъ замѣчено, что хотя Императоръ и не лишился обыкновеннаго спокойствія духа и исполненнаго благости обхожденія, былъ однакожъ задумчивѣе и менѣе прежняго разговорчивъ. — Въ послѣдній разъ въ *Бакчисараѣ* кушалъ Онъ одинъ; впрочемъ при столѣ Его обыкновенно находились: Генералъ Дибичъ, Лейбъ-

Медикъ Вилліе и Полковникъ Соломка. —

Прибывъ въ *Маріуполь*, Государь позвалъ Вилліе и сказалъ ему, *что чувствуетъ ознобъ и что намѣренъ выпить пуншу, чтобъ пропотѣть.* Выпивъ пуншъ, окутался въ постелѣ и въ первый разъ говорилъ съ Докторомъ обстоятельно о Своей болѣзни. Вилліе нашелъ, что у Него сильная лихорадка; ногти Его были сини, а въ тѣлѣ ознобъ и дрожь. — Хотя лихорадка Его и оставила: но въ послѣдній день путешествія, на переѣздѣ изъ *Маріуполя* въ *Таганрогъ*, Онъ почти ничего не вкушалъ и чувствовалъ всеобщую немощь въ Своемъ тѣлѣ. Дорогою за 125 верстъ до *Таганрога*, Онъ все засыпалъ и послѣднюю станцію едва двигались. Такъ тяжело было Ему ѣхать! Онъ безпрестанно спрашивалъ: *сколько осталось?* — но на голову не жаловался. —

5 *Ноября* пріѣхалъ Государь въ *Таганрогъ* въ 7 часу вечера. Князь

Волконскій спросилъ о здравіи Его Величества. »*Изрядно*, отвѣчалъ Императоръ, *однако и Я въ Крыму* »*схватилъ небольшую лихорадку. Я* »*теперь уѣдрился, что, не смотря* »*на столь хваленый климатъ, мы* »*весьма благоразумно сдѣлали, из-* »*бравъ Женѣ Моей Таганрогъ для жи-* »*тельства. Въ Бакчисараѣ почувство-* »*валъ Я первую лихорадку; спро-* »*силъ пить и Федоровъ подалъ мнѣ* »*барбарису. Я выпилъ полный ста-* »*канъ и тотчасъ почувствовалъ оз-* »*нобъ. Послѣ сильно послабило Ме-* »*ня. Этимъ казалось все кончи-* »*лось: но въ Перекопѣ, при осмат-* »*риваніи госпитали, Меня бросило* »*въ озноб и лихорадка била Меня* »*сильнѣе прежняго.* — Князь Волконскій умолялъ Государя беречь Свое драгоцѣнное здравіе, совѣтовалъ лѣчиться, представляя, что уже трудно выносить въ Его лѣта то, что выносилъ Онъ, будучи 20 лѣтъ. Императоръ былъ довольно веселъ: но ни-

кого не принималъ. — Когда подали Ему свѣчи, Государь припомнилъ разговоръ Свой съ камердинеромъ и сказалъ ему: »*Анисимовъ, Я очень нездо-*»*ровъ*! — Камердинеръ отвѣчалъ: *надо* »*пользоваться, ГОСУДАРЬ*! — *Нѣтъ*, »*братъ*, возразилъ Онъ; *свѣги, кото-*»*рыя приказалъ Я убрать со стола,* »*у Меня изъ головы не выходятъ; это* »*значитъ: Мнѣ умереть, и онѣ-то бу-*»*дутъ стоять передо мною.* — Въ изумленіи Камердинеръ, смотря на Него, сказалъ: »*что Вы изволите го-*»*ворить? Избави насъ Богъ отъ та-*»*кого несчастія*! — Тѣмъ разговоръ и кончился.

За симъ Его Величество пришелъ къ Императрицѣ и сидѣлъ у Нея вечеръ. Ночь провелъ Онъ хорошо, не чувствуя лихорадки.

6 *Ноября*. Какъ обыкновенно, одѣлся въ мундирный сюртукъ, только уже не выходилъ со двора, какъ по прежде дѣлалось, ибо Онъ чувствовалъ уже Себя не совсѣмъ хорошо. Глаза Его

были мутны, слышалъ хуже обыкновеннаго, былъ примѣтно блѣденъ и желтъ, и принужденнымъ нашелся оставить занятія Свои съ Княземъ Волконскимъ. Въ 3 часа обѣдалъ съ Августѣйшею Супругою Своею, покушалъ мало и, не докончивъ обѣда, вышелъ въ Свою комнату. Въ это время бросило Его въ сильную испарину. Камердинеръ извѣстилъ о семъ Князя Волконскаго, который не медля явился съ Докторомъ Виллié. Они застали Его въ кабинетѣ, сидящаго на диванѣ въ сюртукѣ, ноги Его окутаны были въ фланелевое одѣяло. По увѣщанію Доктора принялъ Онъ 8 пилюль. Въ 7 часовъ вечера почувствовалъ облегченіе и благодарилъ Г-на Виллié, потомъ попросилъ къ Себѣ Императрицу, Которая и просидѣла у Него до 10 часовъ вечера. Въ сей же день Государь соизволилъ отдать послѣдній пароль: *Таганрогъ*, и препоручилъ Генералъ-Адьютанту Барону Дибичу отдавать пароль на будущее время. —

7 *Ноября.* Государь почивалъ хорошо. Поутру сдѣлался Ему обморокъ, Онъ легъ въ постелю и принялъ микстуру, которая Ему нѣсколько помогла. —

8 *Ноября.* Провелъ Онъ ночь весьма безпокойно и въ лихорадкѣ; пересталъ принимать лѣкарство (оказалась сильная горячка); не слушалъ обѣдни, опасаясь новаго приступа болѣзни, а писалъ коротенькое письмецо въ С.Петербургъ къ Августѣйшей Своей Родительницѣ. По окончаніи Божественной службы, Вилліе пришелъ къ Государю и нашелъ Его опять въ лихорадкѣ. —

Императоръ, увидя груду дѣловыхъ бумагъ, лежащихъ передъ Нимъ на столѣ, ужаснулся: но Князь Волконскій упросилъ Его Величество не заниматься ими до совершеннаго выздоровленія. Потомъ пригласилъ Онъ къ Себѣ Императрицу, которая просидѣла у Него до 10 часовъ вечера. —

9 *Ноября.* Ночь провелъ Государь

изрядно. Онъ позволилъ Князю Волконскому извѣстить Августѣйшую Матерь Его Императрицу Марію Ѳеодоровну о болѣзненномъ Его положеніи. —

10 *Ноября.* Хотя Государь и хорошо почивалъ всю ночь: но утромъ чувствовалъ себя гораздо хуже. — Около 11 часа по полуночи, желая встать съ постели, впалъ онъ въ сильный обморокъ. Весь день лежалъ въ большомъ жару, а вечеромъ была у Него сильная испарина. Больной не говорилъ почти ничего и былъ въ совершенномъ разслабленіи.

11 *Ноября.* Государь почивалъ всю ночь. Утромъ просилъ къ Себѣ Императрицу, Которая просидѣла у Него до обѣда. Больной, желая подняться съ постели, впалъ опять въ обморокъ; къ ночи жаръ оставилъ Его: но къ утру усилился. Сонъ былъ коротокой и безпокойной. Въ сей же день Онъ позволилъ Генералу Дибичу извѣстить Его Высочество Цесаревича Великаго

Князя Константина Павловича о своемъ положеніи; вообще продолжалъ Онъ до сего числа отдавать всѣ приказанія Генералу Дибичу. —

12 *Ноября.* Утромъ Государь приказалъ сдѣлать Себѣ оранжатъ и пилъ оный съ великимъ вкусомъ. Императрица провела съ Нимъ цѣлый день. Къ вечеру было Ему легче. —

13 *Ноября.* Государь почивалъ хорошо, принялъ лѣкарства и жаръ прошелъ: но къ вечеру удвоился и продолжался во всю слѣдующую ночь. Во весь день Больной не говорилъ; часто пилъ лимонадъ, а когда оный Ему наскучивалъ, то употреблялъ напитокъ изъ вишневаго сока. —

14 *Ноября.* Утромъ было Государю опять легче; жаръ уменьшился; Онъ спросилъ бриться и самъ выбрился. Вскорѣ послѣ того почувствовалъ сильную лихорадку; Ему предложили поставить піявки: но Онъ не хотѣлъ о нихъ и слышать, отъ чего объ нихъ болѣе не упоминали. Виллiе объяснилъ

Князю Волконскому, что Государь въ большой опасности. Всѣ испугались отчаяннаго Его положенія; позвали Священника. Князь, видя упорство Государя въ приставленіи піявокъ и отвращеніи отъ лѣкарствъ, а притомъ увеличивающуюся опасность, предложилъ Г-ну Вилліе въ присутствіи Императрицы исполненіе долга Христіанскаго приобщеніемъ Больнаго Святыхъ Таинствъ, приказавъ Священнику на исповѣди убѣждать Государя къ употребленію лѣкарствъ и піявицъ.

Несчастная Императрица, пораженная симъ предложеніемъ, нашла въ чувствительномъ сердцѣ Своемъ еще довольно силы и рѣшилась Сама говорить Супругу о необходимости прибѣгнуть къ помощи Святыя Вѣры. — »*Развѣ Я такъ боленъ?*« промолвилъ Государь. — »*Нѣтъ, другъ мой,* возразила Императрица, почти сквозь слезы, *но Вы отказались отъ всѣхъ »средствъ земныхъ, испытайте не-*

»бесное!« — *Очень охотно!*« отвѣчалъ Больной. — Вошелъ Вилліе. »*Развѣ Я* »*очень слабъ?*« спросилъ Его Государь. »*Точно такъ, Ваше Величество!* сказалъ Докторъ, заливаясь слезами; *Вы отринули мою помощь; теперь не какъ врачъ, но какъ Христіанинъ, почитаю долгомъ объявить Вамъ, что нельзя терять времени!*« — Государь подалъ ему руку и долго жалъ ее. — Вилліе нашелъ, что испарина у Больнаго болѣе и болѣе умножалась; Онъ былъ молчаливъ и задумчивъ. Въ 11 часу вечера просилъ Государь Императрицу успокоиться. Спросили у Вилліе: можно ли начать исповѣдь, или отложить до слѣдующаго дня? Докторъ подтвердилъ возможность. —

15 *Ноября.* Жаръ Больнаго былъ весьма силенъ; отъ 4го до 6го часа утра состояніе Его становилось хуже и хуже. — Объ этомъ доложили Императрицѣ, Которая тотчасъ пришла. Явился Священникъ для исповѣди. »*Мнѣ должно*

быть одному »сказалъ ГОСУДАРЬ Супругѣ Своей и — Она вышла. Смиреніе, кротость, усердіе и твердость Христіанская были совершенно въ Немъ необыкновенны. »*Прошу садиться*, сказалъ Онъ отцу Своему духовному передъ исповѣдью, *поступайте со Мною, какъ съ Христіаниномъ; за-*»*будьте Мое величество*! — Потомъ ГОСУДАРЬ приподнялся на локоть и исповѣдался. — Когда же всѣ возвратились послѣ исповѣди, Онъ съ величайшимъ благоговѣніемъ приобщился Святыхъ Христовыхъ Таинствъ, поцѣловалъ Крестъ и руку служителя Божія, и прерывающимся, но выразительнымъ голосомъ, оборотясь къ ИМПЕРАТРИЦѢ, сказалъ сіи божественныя слова: »*Я никогда не былъ въ та-*»*комъ утѣшительномъ положеніи, въ* »*какомъ нахожусь теперь; благодарю* »*Васъ сердечно.*« — Тутъ Священникъ, почтенный старецъ, бросясь у кровати Больнаго на колѣна, убѣдительнымъ образомъ сказалъ Ему: *Ваше Величество! Вы*

уврачевали душу Свою; отъ лица Церкви и всего народа прошу Васъ уврачевать и тѣло! — »*Естьли надобно, Я согласенъ* »отвѣчалъ Государь. »*Теперь Я вижу*, прибавилъ Онъ, »*что Я опасно боленъ*!« — Съ сего времени Императоръ позволилъ врачамъ дѣлать все, что хотятъ, и принималъ ихъ лѣкарства. Между тѣмъ жаръ въ Немъ не уменьшался; приставили Ему къ затылку 30 піявокъ, которыя такъ худо принимались, что два часа ихъ припускали; отъ сего сдѣлалось Ему нѣсколько полегче. —

16 *Ноября.* Ночь была самая безпокойная. Государь былъ въ забытіи. Во второмъ часу опомнился, спросилъ лимонаду, принялъ его ложечку и весь день чувствовалъ себя весьма дурно. Поставили синапизмы (горчицу); они не пособили, жаръ все не уменьшался. Государь лежалъ безъ языка. —

17 *Ноября.* Въ ночь Больной былъ въ весьма отчаянномъ положеніи, все въ забытіи и въ ужасномъ жару. Прило-

жили на спину мушки. — Весь народъ въ *Таганрогѣ*, узнавъ о семъ, бросился по церквамъ просить Бога со слезами о спасеніи Царя и, кажется, теплыя молитвы ихъ были услышаны. — Во время самой обѣдни (въ 10 часовъ утра), Государь, Который уже цѣлыя сутки былъ безъ языка и томился на рукахъ ИМПЕРАТРИЦЫ, пришелъ въ Себя, открылъ глаза, спросилъ пить; потомъ, взявъ руку ГОСУДАРЫНИ и замѣтя Ея безпокойство, сказалъ умоляющимъ голосомъ: *Вы »очень устали; прошу Васъ, успокой»тесь*!« За симъ приказалъ Себя посадить и пять минутъ сидѣлъ, велѣлъ сварить перловый супъ, взглянулъ въ окно и сказалъ: »*Quel beau tems*! (Какая прекрасная погода).« Легъ и до 8 часовъ вечера Ему было очень хорошо, кушалъ супъ. Впрочемъ Князь Волконскій замѣтилъ, что Больной не имѣлъ болѣе силы открыть уста. Всю ночь былъ Онъ опять въ великой опасности; въ самую полночь сдѣлалось

Ему очень худо, Онъ очень страдалъ. —

18 *Ноября.* Утромъ было Государю нѣсколько полегче и это продолжалось до вечера; тогда жаръ снова усилился, опасность была неминуема, жаръ болѣе и болѣе умножался. Императоръ открылъ глаза, взоромъ искалъ Императрицу; имѣя еще памятпь, но не могши говорить, сдѣлалъ движеніе рукою, какъ бы звалъ Государыню, взялъ Ея руку, поцѣловалъ и прижалъ потомъ къ груди своей; другимъ поклонился. — Когда Князь Волконскій подошелъ къ Нему, Больной улыбнулся благосклонно; когдаже Князь поцѣловалъ Его руку, добрый МОНАРХЪ показалъ видъ дружескаго упрека. Въ 11 часовъ и 40 минутъ вечера не было болѣе надежды; безпамятство продолжалось. —

19 *Ноября.* Въ послѣднія минуты Государь дышалъ столь скоро и тяжело, что это было слышно въ ближней комнатѣ. Въ 10 часовъ 50 ми-

Кончина ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА БЛАГОСЛОВЕННАГО въ Таганрогъ 19 Ноября 1825 года

[illegible]

нутъ Государя нестало, Онъ въ безмолвной тишинѣ скончался! Императрица была при Немъ безотлучно. Когда Онъ сталъ кончаться и начали читать отходную, Она все еще держала Его за руки; когда же Онъ испустилъ Духъ Свой, то Сама закрыла Ему глаза, перевязала платкомъ подбородокъ, сложила руки, перекрестила, поцѣловала, заплакала, поклонилась и сказала: »*Прости, мой другъ!* потомъ встала, обратилась къ Образу, помолилась и сказавъ: »*Господи! прости Мое согрѣшенiе; Тебѣ угодно было лишить меня Его,*« пошла въ свои комнаты, гдѣ дала полную свободу слезамъ. — Вскорѣ, ободрившись, приказала при шѣлѣ служить панихиду, взяла свѣчу, молилась и не плакала: но скорбь ужасная была на лицѣ Ея!...

Послѣдній умирающій взоръ незабвеннаго МОНАРХА поразилъ всѣхъ предстоявшихъ громовою стрѣлою. Картина ужасная! Всѣ на колѣнахъ рыдали и кровавыя проливали слезы...

Такъ скончался Благословенный Императоръ Александръ I, благодѣтель нашъ, наилучшій изъ Монарховъ, цвѣтущій здравіемъ, прекраснѣйшій изъ мущинъ, — скончался во цвѣтѣ лѣтъ Своихъ!... При послѣднемъ вздохѣ принялъ Онъ видъ, свойственный Его ангельской улыбкѣ и, не смотря на Его страданія, спокойствіе царствовало на челѣ и благополучіе души праведной блистало въ чертахъ Благословеннаго!

Когда Императрица оставила на минуту одръ Умирающаго, Его умастили мѵромъ; потомъ драгоцѣнное тѣло въ Бозѣ почившаго Императора обмыли, надѣли чистое бѣлье, шлафрокъ, положили на дорожной Его кроваши, засвѣтили около Него четыре свѣчи, въ головахъ поставили Образъ Спасителя, а въ ногахъ налой и Евангеліе, позвали Духовенство и пѣніе: »*Упокой, Господи, душу усопшаго раба* «*Твоего, Благочестивѣйшаго ГОСУ-* «*ДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕК-*

«*САНДРА Iго всея Россіи!*» — потрясало сердца предстоящихъ. —

Тѣло покойнаго Государя оставалось 9 дней въ Его бывшемъ кабинетѣ, гдѣ Онъ скончался на диванѣ, головою къ камину. Тамъ на третій день бальзамировали оное: но бальзамированіе, кажется, не такъ удалось, какъ бы сего ожидать можно было; ибо для предохраненія тѣла отъ гніенія надлежало ставить ледъ подъ низъ гроба. Лице отъ спирту, которымъ напоили его, весьма измѣнилось. Анатомики, при вскрытіи тѣла, нашли въ головѣ на томъ самомъ мѣстѣ, на которое Больной, чувствуя страданія, обыкновенно клалъ руку, наросшую перепонку и немного (полстакана или 50 золотниковъ) воды; печенка была повреждена и хрящь грудной окостенѣлъ; впрочемъ другіе органы тѣла были въ наилучшемъ видѣ. —

Императрицу просили переѣхать въ частной домъ, на что Она не хотѣла согласиться и сказала Князю

Волконскому: «*Я увѣрена, что вы раз-*
«*дѣляете Мое несчастїе; не уже ли*
«*вы думаете, что одна Корона при-*
«*вязывала Меня къ Моему мужу?*
«*Прошу васъ не разлучать Меня*
«*съ Нимъ до тѣхъ поръ, пока есть*
возможность.« — Послѣ сего ни-
кто не смѣлъ Ее просить и Она ос-
тавалась цѣлый день одна въ своихъ
комнатахъ и безъ свидѣтелей ходила
безпрестанно къ тѣлу. — На третій
день, по кончинѣ Государя, Князь
Волконскій просилъ Ея Величество
переѣхать въ частный домъ, хотя на
нѣсколько дней; на что Она согласи-
лась. — По Высочайшей волѣ Ея тѣ-
ло въ Бозѣ почившаго Супруга Ея
сопровождалось въ С.Петербургъ Гене-
ралъ-Адъютантомъ Графомъ Орло-
вымъ-Денисовымъ и многими Фли-
гель-Адъютантами, прибывшими для
сего изъ Столицы. — 29 *Декабря*
двинулось печальное шествїе изъ *Та-*
ганрога, сопровождаемое рыдающи-
ми жителями сего города и конвои-

рованное многочисленнымъ военнымъ эскортомъ. Въ продолженіи всего пути народъ стекался по дорогамъ и жаждалъ везти на себѣ печальную колесницу; ни вьюги, ни морозы не измѣняли порядка шествія во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ останавливалась колесница для ночлега. У сердіемъ жителей сооружались великолѣпные катафалки; а на встрѣчу выходили и сопровождали всѣ власти духовныя и сословія всѣхъ гражданъ.

3го *Февраля* тѣло ИМПЕРАТОРА прибыло къ намъ въ *Москву* (которая въ то время облеклася трауромъ), на приуготовленной нарочно для сего парадной колесницѣ, съ церемоніею, по разпоряженіямъ Печальной Коммиссіи.—26°, *Февраля* тѣло было уже въ *Тосно*, гдѣ встрѣтила его ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА.-28го *Февраля* прибыло оно въ *Царское Село*; 5го *Марта* въ *Чесму*, гдѣ въ дворцовой церкви оно переложено было въ другой гробъ. 6го *Марта* двинулось шествіе изъ *Чесмы* по церемоніалу и распоряженіямъ Печальной

Коммиссіи въ С. *Петербургѣ*, гдѣ 13го *Марта* совершилось погребеніе въ Петропавловскомъ Соборѣ.—Тѣло Императора Александра Павловича погребено по правую сторону отъ Олтаря близь Царскихъ врать, противъ сѣверныхъ дверей въ одномъ ряду съ могилою блаженнаго Родителя Его Императора Павла Петровича.

КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ ТАГАНРОГА.

Таганрогъ есть портовой торговый городъ, обязанный существованіемъ своимъ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ, Который, объѣзжая тѣ страны, на пустомъ далеко вдавшемся въ Азовское море мысѣ основалъ городъ и назвалъ его *Троицкимъ*, гдѣ построена уже была порядочная крѣпость и гавань: но, по договору при Прутѣ, все начатое разрушено. Екатерина II хотя обратила вниманіе на Таганрогъ и поручила Генералу-Инженеру де-Волану привести заброшенный портъ въ надлежащее положеніе; однакоже военныя обстоятельства тому воспрепятствовали и гавань осталась въ прежнемъ видѣ.—Корабли должны перегружать товары на перевозныя лодки: но и лодки сіи, за мѣлководіемъ, останавливаются на 200 и болѣе саженъ отъ береговъ, а товары перевозятся въ особеннаго рода телегахъ, кои всегда выше аршина тянутся въ водѣ. Рѣки Волга и Донъ

сосредоточиваютъ въ семъ городѣ часть торговли Россіи: ибо оными въ *Таганрогъ* доставляются лѣсъ, хлѣбъ, масло, сало, икра, медъ, деготь и проч. цвѣтущія нивы и богатыя пажити продовольствуютъ съ избыткомъ жителей всякою живностію. Пшеница *Таганрогская* почитается лучшею и съ выгодою отправляется за границу. — Торговля тамъ значительна такъ, что одного таможеннаго дохода получается до 1,300,000 рублей. — Въ Царствованіе Александра Iго *Таганрогъ* значительно украсился. Въ немъ теперь находятся нѣсколько торговыхъ богатыхъ домовъ, маклерскія конторы, нужныя артели, таможня, деревянныя (24) и каменныя (97) лавки, каменный Домъ призрѣнія бѣдныхъ, Гимназія, Народное училище (Нормальная школа), Коммерческое собраніе, городовой садъ, тюремный замокъ и казармы; вообще 197 каменныхъ и 896 деревянныхъ домовъ; церквей 5 каменныхъ и 5 деревянныхъ, жителей 4,800 душъ мужескаго пола и 3,600 женскаго. Карантинъ въ 5 верстахъ отъ города. — Ярмарки бываютъ 2 раза: 9 *Мая и* 15 *Августа*.

I.

ЭЛЕГИЧЕСКАЯ ПѢСНЬ

НА КОНЧИНУ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

Скончался Царь Нашъ! Царь Нашъ живъ!

Еще не умолкалъ всеселья шумный кликъ —
Въ Столицѣ, счастливой подъ сѣнью благотворной,
На пиршествахъ гремѣлъ Царю хвалебный ликъ
Признательныхъ сердецъ любови непритворной:
А Онъ — виновникъ нашихъ благъ,
Въ тотъ часъ, на дальнихъ берегахъ
Боролся съ смертію, подъ бременемъ недуга!..
Вблизи, въ безмолвьи и слезахъ,
Порфирородная Супруга
Прощаяся съ земнымъ Царемъ,
Царю Небесному молилася о Немъ.
И тихо всё окрестъ!.. Царица встрепенулась!..
Бьётъ часъ ужасный, роковой!..
Сверкаетъ смерть губительной косой.
Сразила!... и сама надъ жертвой содрогнулась!!...
Освободитель царствъ, поборникъ правъ святыхъ
Законовъ стражъ, народовъ благодѣтель —
Почилъ.... и тяжкой вопль народовъ и чужихъ

Ихъ непритворныхъ чувствъ немолчный вѣкъ
свидѣтель!
Почилъ... и слухъ правдивъ; и не тревожный сонъ
Насъ хладнымъ ужасомъ до сердца поражаетъ:
Нѣтъ!.. всѣ концы земли — Россіи внемлютъ стонъ
И цѣлый міръ рыдаетъ...

И тотъ, кто бодрственный, незримо осѣненъ
Щитомъ Всесильнаго, сражалъ враговъ закона,
Побѣдой искупилъ Царей постыдный плѣнъ,
И стеръ гордыни рогъ съ чела Наполеона;
Кто славой принесенъ Люшеціи къ стѣнамъ,
Не жаждалъ мщенія, не требовалъ кумира,
Но проповѣдывалъ Евангеліе міра,
Прося своимъ врагамъ...

Кто изтребивъ въ сердцахъ всѣ плевелы раздора,
Въ нихъ добродѣтелей посѣялъ сѣмена,
И обновленные воскресли племена,
Забывъ дни бѣдствій, дни позора.

Кто самъ, бывъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
Надеждой долгихъ лѣтъ льстилъ родинѣ священной,
Какъ кроткій лучь блеснулъ и — нѣтъ
Спасителя вселенной!..
А ты, о Ангелъ во плоти!
О добродѣтель безъ примѣра!..

Елизавета! Ты не смѣла отойти —
Отъ праха милаго! Твой вздохъ сказалъ: *прости*!
Всё упованіе, вся вѣра —
Съ небесной въ сердцѣ тишиной;
Безтрепетной рукой

Супругу очи Ты почившему смежила,
И твердостью души высокой изумила!..

Но сколь нестройных струнъ
Теперь ничтожны звуки!..
Съ Азовскихъ береговъ прерывистый Перунъ
Твердитъ о горести сыновъ съ Отцемъ разлуки!..
Во гробѣ Александръ!.. и сиротствуемъ мы!..
Народы всѣ въ слезахъ! и нѣтъ Его возвраша!
Сіяетъ солнце намъ— но не разсѣетъ тьмы:
Унынiемъ насъ мрачитъ внезапная ушраша!..

Благословенный Царь! какъ родинѣ Святой,
Такъ и странамъ чужимъ служа благотвореньемъ,
Ты вшелъ въ ликъ праведныхъ сердечной добротой
И шамъ стяжалъ вѣнецъ смиреньемъ...
О тѣнь священная! прости
Безвѣстному пѣвцу сей скорби изліянье:
Не разъ онъ пѣлъ шебя, какъ славы на пуши,
Великій! Ты внималъ всѣхъ царствъ рукоплесканье!..
Безсиленъ гласъ его!.. но лучшая хвала —
Европѣ славный миръ, дарованный Тобою!..
Пусть общей матерью Ты будешь скрышъ землею:
Но живы вѣкъ — Твои дѣла!..
И отъ Азовскихъ странъ до береговъ Бальтiйскихъ,
Отъ Европейскихъ странъ Россiи до Азiйскихъ,
Во всѣхъ сердцахъ одинъ отзывъ:
Скончался Царь нашъ! Царь нашъ живъ!..

Дм. Глѣбовъ.

II.

ЭЛЕГІЯ

НА КОНЧИНУ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА Iго.

Не стало Генія вселенной,
Державшаго въ рукѣ своей,
Самимъ Творцемъ Благословенной,
Судьбу народовъ и Царей...
И содрогнулася вселенна,
Событьемъ страшнымъ пораженна!..
» Кто будетъ нвердымъ мнѣ щитомъ
» Въ годинѣ бѣдствій, злоключеній?«
И съ плачемъ симъ она кругомъ
Бросаетъ взоръ недоумѣній:
» Ужели Александра нѣтъ?
» Ужели чтимый цѣлымъ свѣтомъ,
» Владѣвшій всѣхъ любви обѣтомъ,
» Оставилъ столь внезапно свѣтъ?»

Ахъ, что же чувствуемъ мы, чада
Боготворимаго Отца?..

Онъ нашихъ дней былъ жизнь, отрада;
Имъ разцѣпали въ насъ сердца!...
Но покоримся Провидѣнью. —
Оно награду шлётъ смиренью!
И тотъ, кто солнце засвѣтилъ,
Уже душъ нашихъ мракъ глубокій
Звѣздою яркой озарилъ. —
И духомъ помысловъ высокій,
Возсѣлъ на Александровъ Тронъ
Нашъ НИКОЛАЙ, рожденный къ славѣ!..
И свящъ душѣ Его законъ —
Дашь благоденствіе Державѣ.

А Ты, Великая жена!..
Приняшь послѣдній вздохъ супруга
Была Ты небомъ призвана —
И взоръ смѣживъ на вѣки друга,
Царя, Владыки своего,
Ты удалилась отъ Него,
Порфирородная Вдовица! —
Идешь въ пустыняхъ бышія!..
Но несравненная Царица,
Душа Небесная Твоя
Найдетъ къ отрадѣ милліоновъ,
Въ ихъ горькихъ пламенныхъ слезахъ
И въ отголоскахъ скорби, стоновъ, —
Найдетъ еще... въ какихъ словахъ

Дерзнуть печальной, грустной Музѣ
Объ утѣшеніи вѣщать?.. (*)
Ахъ! только въ общемъ душъ союзѣ
Мы можемъ къ небу обращать
Сердца съ мольбой и упованьемъ,
Да нашу Царственную Мать
Искупимъ мы своимъ страданьемъ!..

Кн. Шаликовъ.

(*) Писано до кончины Императрицы.

III.

АЛЕКСАНДРУ ПЕРВОМУ.

Гдѣ Царь, гдѣ Сынъ, Супругъ,
Нещастныхъ щитъ и другъ,
Могучій Князь и Христіянинъ,
Герой, въ порфирѣ Россіянинъ?..
Гдѣ ты, о Рыцарь нашихъ лѣтъ?..
Явись!... твой видъ насъ оживляетъ:
Краса души въ Тебѣ сіяетъ,
А честь Твоя какъ свѣтъ
На доблестномъ челѣ блистаетъ. —
Глядишь — душа въ Твоихъ очахъ,
Речешь — душа въ Твоихъ словахъ. —
Брашъ ратникамъ и вождь любимый,
Посредникъ праведный, на Тронѣ человѣкъ,
Гряди въ Москву! ея Ты сполинъ и сила. —

Она Европѣ возгласила,
Что вѣкъ Твой, Россамъ славы вѣкъ!
Гдѣ Ты, Отечества Сынъ милый?..
Гдѣ Ты?.. Но съ юга звукъ унылый
До насъ дошелъ... Ужь нѣтъ Его?..

Несетъ народъ Монарха своего,
Несетъ... Куда?.. въ гробницу!..
О Боже!.. Но уставъ закона Твоего —
Велитъ хвалить разящую Десницу.—
Онъ тамъ, гдѣ времени конецъ,
Гдѣ злобѣ бурь мірскихъ предвѣчная препона.
На что ему здѣсь бренная корона?..
Безсмертному — безсмертный и вѣнецъ!..

Кн. Зенаида Волконская.

IV.

На кончину
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО.

Рифея кедръ, величье скалъ,
Облекшій тѣнію стремнины!
Судьбой низверженный, Ты палъ,
Ты палъ и — дрогнули долины. . . .
Низверженъ Исполинъ во прахъ,
Кого и бури не сражали,
Въ чьихъ необъемлемыхъ вѣтвяхъ
Орлы пріютъ свой обрѣтали;
На Комъ всѣхъ ранѣе пылалъ
Денницы лучь и до полночи;
Кто въ блескѣ Запада сіялъ,
И веселя сердца и очи,
Покровъ потомству обѣщалъ. —
Стенаетъ міръ — Того не стало,
Кто мощной дланію своей
Спасалъ народы и Царей:
Его сразило смерти жало;
Сразило въ цвѣтѣ славныхъ дней! . .
Не движимъ, блѣденъ, бездыханной;
Уже хладъ гроба очи сжалъ,

И надъ главой Его вѣнчанной
Лучь новой жизни возсіялъ. —
Россія, плачь! гдѣ благодатный
Твой-кроткій Ангелъ, лучь сердецъ?.
Гдѣ скрылся ликъ Его отрадный?..
Гдѣ Царь, Отечества Отецъ?...
Благословенный, Ангелъ міра!
Ты улетѣлъ въ страну Небесъ!
Не зримъ благихъ Твоихъ очесъ;
Не грѣешъ насъ Твоя Порфира
И кроткимъ маніемъ жезла
Ты скорби тучь не разгоняешь
Съ сердецъ и нашего чела;
Но Ты невидимо летаешь,
Животворишь Твоихъ сыновъ,
Вѣщаемъ: Русь не сиротѣешь!
Противникъ мира не посмѣетъ
Возстать на край моихъ отцовъ:
На немъ Спасителя покровъ!..

Илья Ободовскій.

V.

НА КОНЧИНУ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

Унылый съ Юга гулъ раздался,
Полсвѣта грозно поразилъ,
Въ сердцахъ Россіянъ отозвался
И — всѣ народы прослезилъ...
Ахъ! Александръ, Отецъ Россіи, —
Ужь мершвъ!... и всё предъ Нимъ мершво!
Въ Самодержавной Монархіи
Всѣ чтили Ангеломъ Его!..
Увы!.. смершь льдистою рукою —
Его съ лица земли взяла,
Подсѣкши роковой косою:
Но святы всѣ Его дѣла! —
Надъ славною Его могилой
Безсмертья лучь уже блестишъ,
Который доблестью щастливой
Съ хвалой потомство озаришъ!..

Забудемъ ли, Монархъ Почивый!..
Какъ Ты великодушенъ былъ?.

Какъ Ты, Отечествомъ любимый,
Свое Отечество любилъ?..
Какъ въ роковой годъ испытанья
Кичливыхъ замысловъ войны —
Являлъ души очарованья
Въ бояхъ непобѣдимый Ты? (!)

Теперь нашъ Ангелъ незабвенный,
Ужъ Ты живешь на Небесахъ
И, блескомъ славы озаренный,
Ты свящъ сердцамъ въ Твоихъ дѣлахъ!
Воззри оттоль на край Россіи,
Ей счастья въ мірѣ умоляй;
Моли, чтобъ времена златыя —
Стяжалъ Преемникъ НИКОЛАЙ!..

Михайло Тельцовъ.

VI.

НА КОНЧИНУ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО.

Россія! гдѣ Твой Царь, гдѣ Ангелъ Твой хранитель,
Примѣръ героямъ всѣмъ высокою душой?..
Европа! гдѣ твой избавитель,
Которому гремишь безсмертною хвалой?..
О Матерь! гдѣ Твой Сынъ, опора, ушѣшенье?..
Супруга скорбная! гдѣ нѣжный Твой Супругъ?..
О Братья! гдѣ Вашъ лучшій другъ?..
Во гробѣ Онъ!... Судьбы опредѣленье,
Чтобъ Александръ, Отечества Отецъ,
Сложивъ земной, приялъ на Небесахъ вѣнецъ!..
Давноль, цвѣтущихъ лѣтъ съ здоровьемъ неизмѣнным,
Онъ страждущихъ рукой Державной подкрѣплялъ,
А каждый подданный предъ алтаремъ священныя
Свою судьбу благословлялъ?...
Такъ — солнце Руское навѣки закатилось,
Оставя намъ свой благодатный слѣдъ,
Что НАКОЛАЙ на Тронъ Романовыхъ взойдетъ!...

А. Про....

VII.

ЭКСПРОМТЪ

ПРИ ВЗГЛЯДѢ НА БЮСТЪ

ГОСУДАРЯ АЛЕКСАНДРА I.

Вошъ Онъ, Россіи честь и слава, даръ Небесъ,
Великій Александръ, полночный Геркулесъ!..
Не міра древняго надменный повелишель,
Но кротkій счастія народнаго зиждишель!..
Восточный Александръ Державы разрушалъ,
А Сѣверный — Царямъ престолы возвращалъ;
Восточный былъ бичемъ и ужасомъ вселенной,
А Сѣверный — щитомъ Европы, Имъ спасеной;
Къ Восточному вражду питали Бактра, Тиръ,
А Сѣвернаго весь благословляетъ міръ!..
Гдѣ Ты, Отечества Отецъ чадолюбивый,
Премудрый, доблестный, и щедрый, и правдивый, —
Возстановишель Царствъ, Поборникъ алтарей,
Блюстишель истинны, защишникъ, другъ людей?..
Гдѣ Ангелъ кротости?.. Слѣды — увы — могила!..
Во гробѣ плоть — душа на Небо воспарила. —
Но, смерть, не торжествуй!... Не все ты отняла:
Живутъ для насъ Царя безсмертныя дѣла...
Скорѣе лезвіе косы твоей изгложешь,
Чѣмъ ихъ изъ памяти людей изгладишь можешь!..

Ав. Мартыновъ.

VIII.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ СОЧИНЕНІЯ:

ПЛАЧЬ РОССІЯНЪ НАДЪ ГРОБОМЪ

АЛЕКСАНДРА БЛАГОСЛОВЕННАГО.

Какое бѣдствіе, неустрашимый Россъ,
Твой бодрый духъ смятеніемъ объяло!
Повѣдай, укажи источникъ горькихъ слёзъ,
И подыми сей тайны покрывало!
Ужель забылъ, кто тамъ съ престольной высоты
Твою судьбу и радость назидаетъ,
И сыплетъ на тебя веселія цвѣты?..
Тамъ Александръ, Твой Геній возсѣдаетъ!..

Лучь милосердія горитъ въ Его очахъ. —
Оливою и лавромъ осѣненный,
Съ привѣтной кротостью, съ улыбкой на устахъ,
Рѣкой щедроты льетъ Благословенный. —
Вотъ двадесять пять лѣтъ въ величьѣ прошекло,
Какъ Россовъ онъ блаженство сохраняетъ,
И здравіемъ Его цвѣтущее чело
Намъ вѣкъ еще шу радость обѣщаетъ!..

Готовьте юбилей вы, Сѣвера сыны!..
Завидуютъ Вселенной вамъ народы;
Блестящей славою для васъ озарены
Грядущаго блаженнѣйшіе годы...
Спѣшитежъ изъ оливъ и лавровъ плесть вѣнецъ,
И воздвигать тріумфы предъ Столицей:
Уже отъ Южныхъ странъ летитъ къ вамъ Царь-Отецъ,
Съ воскреснувшей для новыхъ благъ Царицей.

Дни въ свѣтлой радости за Нимъ во слѣдъ...
Но, ахъ!.
Вѣсть грозная, какъ громъ, вдругъ раздается:
Осиротѣли мы!. нашъ Ангелъ въ Небесахъ!...
И скорби стонъ по снѣгамъ въ даль несется,
И ужасъ оковалъ безтрепетны сердца,
И общій вопль Столицу оглашаетъ, —
Какъ будто нѣжнаго и добраго отца
Изъ рукъ дѣтей могила похищаетъ! —

О тѣнь священная! съ лазоревыхъ высотъ,
По коимъ Ты, какъ лебедь величавый,
Течешь къ Всевышнему подателю щедротъ
Приять вѣнецъ безсмертія и славы!...
Склони Свой тихій взоръ на насъ, Твоихъ дѣтей;
Узри сиротъ прискорбное смятенье,

И за любовь Твою, за счастье нашихъ дней,
Въ потокахъ слезъ прочти благодаренье.

Но мыль одни Твоей кончиной сражены?..
Россія ли одна въ сей часъ страдаешъ?..
Ты былъ блюстителемъ всеобщей тишины,
И по Тебѣ Европа вся рыдаешъ. —
Сей общій скорби гласъ есть гимнъ хвалебный
Твой. —
Въ послѣдній день сей вопль Тебя разбудишъ,
И на судѣ судовъ, предъ благостью Святой,
Онъ за Тебя предстательствовать будетъ. —

Когда цѣпями намъ грозилъ надменный Галлъ,
Ты былъ нашъ вождь, и Ангелъ нашъ хранитель,
Безтрепетно къ нему на битву Ты предсталъ —
И палъ во прахъ покоя нарушитель. —
И чѣмъ же Ты врагамъ покоя отомстилъ,
Чѣмъ наказалъ ихъ замыслы коварны?..
Царя Законнаго, миръ, счастье возвратилъ,
И взялъ съ нихъ въ дань—лишь слезы благодарны.

Давноль угрюмый Белшъ на пагубныхъ волнахъ
Въ Петрополь внесъ печаль и разоренье...

Съ сердечной скорбію, съ слезами на очахъ
Явился Ты, какъ Ангелъ, въ ушѣшенье. —
Ты далъ убогимъ кровъ, сиалъ сиротамъ Отцомъ,
И облегчилъ ихъ скорбь отрады силой,
И тризну соверша почившимъ сномъ,
Какъ нѣжный братъ, рыдалъ надъ ихъ могилой!

А ты, украшенный природой, Таганрогъ!
О памятникъ, прискорбью обреченный!
Въ слезахъ тоски ты взялъ послѣдній тихій вздохъ,
Съ которымъ отлетѣлъ Благословенный. —
Улыбка кротости, отрадная для насъ,
Съ устъ Ангела Россіи не слетала,
И на челѣ Его въ ужасный смерти часъ,
Въ залогъ спокойствія души, сіяла. —

Ты зрѣлъ въ сей часъ, въ лучахъ красуяся златыхъ,
Какъ Небеса торжественны казались,
И воспаряющей въ сонмъ Ангеловъ Святыхъ
Его душѣ привѣтно улыбались. —
Нева, узрѣвшая на Небеса полётъ
Того, чей ликъ стократно отражала,
Въ тоскѣ, въ послѣднее всплеснувъ струями водъ,
Льдовъ хладное надѣла покрывало (*).

(*) Рѣка Нева начала покрываться льдомъ съ 19го на 20е Ноября 1825 года.

Но на кого, о дщерь рожденная землёй,
Возносишь Ты свой ропотъ дерзновенной?..
Златое солнце онъ на тверди голубой
Свѣтильникомъ возжегъ своей вселенной. —
На горнихъ Небесахъ Онъ въ славѣ возсѣдитъ
И шаръ земный подножіемъ имѣетъ;
По манію Его и міра ось дрожитъ,
И тихнетъ громъ, и время цѣпенѣетъ!..

Престань, твореніе, испытывать Творца
И требовать въ путяхъ Его отчёта!
Любимый сынъ Небесъ въ объятіяхъ Отца,
И непостижна намъ Его щедрота. —
Россія! твой удѣлъ — скорбь въ сердцѣ погребсти.
Благоговѣть съ покорнымъ упованьемъ,
Безъ ропота его правдивый гнѣвъ нести,
И ждать въ смиреніи конца страданьямъ! —

Но до конца ли Онъ прогнѣвался на насъ?..
Нашъ Александръ, въ отчизну возпаряя,
Намъ указалъ уже отраду въ скорбный часъ
Во образѣ Священномъ НИКОЛАЯ. —
И какъ за ночью въ слѣдъ румяная заря
На небо день величественный вводитъ:
Гласъ Александра Имъ избраннаго Царя
На сиротѣющій Престолъ возводитъ.

Съ примѣрной кротостью Царь мудрый скипетръ
пріялъ,
И оправдалъ Великаго избранье;
Къ престолу на пути самъ Богъ Ему послалъ
Жестокое для сердца испытанье. —
Лишь гидра мятежа, хребетъ извивши свой,
Подъялася предъ образомъ Петровымъ:
Достойный внукъ Его, поправъ ее пятой,
Явилъ себя Архистратигомъ новымъ. —

Щадя враговъ своихъ и ослѣпленныхъ, Онъ
Романовыхъ явилъ всю доблесть рода,
И новой силою вооруживъ законъ,
Онъ оградилъ спокойствіе народа. —
Онъ возвратилъ Собой утраченна Отца;
И мудростью сопровождая милость,
Отрадой оживилъ прискорбныя сердца
И въ радость претворилъ сыновъ унылость. —

О Россы! не прошелъ еще вашъ вѣкъ златой!
Еще хранитъ десница васъ Святая:
Вашъ кроткій Александръ воскресъ Своей душой
Въ величіи Геройскомъ НИКОЛАЯ. —
Престанемъ слезы лить и поспѣшимъ во храмъ
Царю Царей принесть благодаренье,
И возкурить предъ нимъ сердечный ѳиміамъ,
Да низпошлетъ Царю благословенье!..

Павелъ Теряевъ.

IX.

НА КОНЧИНУ

АЛЕКСАНДРА БЛАГОСЛОВЕННАГО

Закатилось солнце красное,
Согрѣвавшее Святую Русь;
Закатился свѣтлый мѣсяцъ нашъ,
Освѣщавшій поднебесную;
Насъ оставилъ Православный Царь,
Насъ покинулъ Государь — Отецъ!
Не за рѣки и не за моря
Улетѣлъ отъ насъ ясенъ соколъ:
Не враговъ карать Отечества,
Не друзей искать Отечеству:
Улетѣлъ — въ страну Небесную!..

О закатѣ солнца краснаго,
О закатѣ свѣтла мѣсяца,
Объ отлетѣ ясна сокола
Извѣщенная Святая Русь
Свѣта Божія не взвидѣла;
Роковая вѣсть, ужасная
Оковала души Русскія:
Опустились руки храбрыя,

Подкосились ноги быстрыя, —
Всѣ сердца у Русскихъ замерли. —

Мы не ждали, мы не думали,
Чтобъ на насъ такъ небо грянуло:
Мы горѣли упованіемъ,
Что во славѣ и красѣ своей
Скоро съ Юга на край Сѣвера
Обратишъ свое теченіе
Наше солнце ненаглядное!
Мы готовили вѣнки Ему;
Мы хотѣли славить Гимнами
Александра несравненнаго!..

Государь! Отецъ Отечества!
Ты за что на насъ прогнѣвался?..
Государь нашъ — солнце красное!
Что ты скоро закатилося?..
Или думалъ, что любви твоей
Больше мы уже не стоили?..
Или думалъ, что къ лучамъ Твоимъ
Наши души стали холодны?..
Но и варвары къ любви Твоей,
И злодѣи къ Твоей благости
Были нѣжны и чувствительны!
За Тебя и непріятели,

И друзья, и вся вселенная,
Всѣ — любили насъ и славили!

Нѣтъ, не Ты на насъ прогнѣвался!
Вѣрно Бога мы прогнѣвали,
Что лишилъ насъ солнца краснаго,
Взявъ Тебя въ страну Небесную?..
Вѣрно мы Тебя не стоили,
Что предавшись нѣги, роскоши,
Позабыли вѣру праотцевъ?
Ты одинъ стоялъ недремленно
На Господней стражѣ день и ночь;
И сложивъ вѣнецъ съ порфирою,
Ты Одинъ за насъ заботилея!
Ты одинъ и въ лѣтни жарки дни,
И въ осенніе, и зимніе —
Обтекалъ свою любезну Русь,
Будто солнце поднебесную!..
Ты одинъ лишь не жалѣлъ себя
Для покоя, счастья нашего!...

Можноль было намъ предчувствовать,
Что внезапно Ты покинешь насъ?..
Не пустилибъ мы изъ глазъ Тебя;
Окружилибы мы домъ Царевъ,

И стѣною — не гранитною,
Но изъ насъ самихъ сложенною —
Заградилибъ Твое шествіе,
Вмѣсто хлѣба стали бъ пепелъ ѣсть,
Со слезами сталибъ воду пить,
И молитвами сердечными
О Твоемъ безцѣнномъ здравіи
Оглушили бы Небесный сводъ. —

Но-Ты вѣрно самъ предчувствовалъ!
Оставляя градъ Великаго,
Посѣтилъ Ты въ нощь глубокую
Гробъ Святаго соименнаго,
Александра Князя Невскаго;
Ты принесъ Ему въ послѣдній разъ
Ѳиміамъ и жертву чистую!..
Государь! Отецъ Отечества!..
Если Бога мы прогнѣвали:
То ужели и божественныхъ
Нашихъ Матерей Отечества
Небомъ всѣ обѣты презрѣны?..
Не ужель и Ихъ чистѣйшихъ душъ
Всѣ моленія отвержены
Предъ Престоломъ Всемогущаго?..
Но судьбы Его невѣдомы!..
Духъ блаженный, небожительный!
Не забудь свою любезну Русь!
Славы силою Небесною

Осѣняй Престолъ Державнаго,
НИКОЛАЯ Всероссійскаго!
Низпосли съ высотъ превыспреннихъ
Миръ, отраду, утѣшеніе
Сиротѣ Твоей Божественной
И Твоей вѣнчанной Матери!
Прилети къ Нимъ въ сновидѣніи,
И съ улыбкой тихой, райскою,
Съ лучезарнымъ ликомъ Ангельскимъ,
Попроси Ихъ, чтобъ утѣшились,
И свое безцѣнно здравіе
Сохранили для Отечества!..

Мы же, Твой для насъ Священный прахъ
Предавая гробу хладному,
Общей матери — сырой землѣ,
Оживимъ Тебя въ сердцахъ своихъ:
Не забудемъ ввѣкъ Великаго,
Миротворца, утѣшителя,
Славу и красу Царей —
Александра благодатнаго,
Титломъ и дѣлами Перваго. —

Ты же, солнце наше новое,
НИКОЛАЙ, намъ Богомъ данный Царь!
Будь Ты нашимъ утѣшителемъ,

Нашимъ Ангеломъ-хранителемъ!
Мы во хладѣ горя замерли:
Обогрѣй насъ, солнце новое!
Оживи насъ, солнце красное!..

Знаемъ, что и Ты не радостенъ:
Свѣтлый ликъ Твой омраченъ тоской
Отъ потери невозвратныя
Друга, Брата, благодѣтеля;
Знаемъ, что Тебя не радуютъ
Ни Корона, ни Престолъ, ни Скипетръ
Въ свѣтѣ первыя Имперіи!..
Но воззри на слезы горькія —
Сѣтующаго Отечества!..
Будь его красой, утѣхою!
Та же кровь въ Тебѣ Священная,
Тотъ же духъ любви и благости,
Коимъ нѣкогда плѣнялися
Въ Александрѣ Россы славные,
Нынѣ — лишь Тобой счастливые!..

И. Вѣтринскій.

X.

НА СЛУЧАЙ ПЕЧАЛЬНАГО ШЕСТВІЯ

сопровождавшаго тѣло покойнаго

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО.

Куда, владыка полвселенны?..
Куда, о сильный вождь Царей?
Зрю: двпжешь раши ополченны;
Зрю славы спутниковъ Твоей.

Но что!... полки Твои печальны;
И въ громахъ, вѣстникахъ побѣдъ,
Отзывы стонутъ погребальны,
И въ пѣсняхъ торжества ужъ нѣтъ! —

Что зрю!.... несутъ доспѣхъ Героя!
Се долу преклоненный мечь;
Се щитъ Его, залогъ покоя,
И шлемъ, рѣшитель грозныхъ сѣчь. —

Ведутъ коня: онъ томнымъ окомъ
Глядитъ на прахъ своихъ копытъ;

Идетъ въ унынiи глубокомъ,
И гриву по песку влачитъ. —

Гдѣ всадникъ, гдѣ громомешатель,
Душой и тѣломъ исполинъ,
Дружинамъ къ славѣ указатель,
Земли и рока властелинъ?

Се Онъ простертъ на колесницѣ!
Се Тотъ, Кто честь народовъ спасъ!
Ни Скипетра, ни меча въ десницѣ,
Уста безмолвны, взоръ угасъ! ...

Давноль уста сiи вѣщали
Небесный судъ концамъ земли,
И взоры то въ бояхъ сверкали,
То въ плѣнъ сердца къ нему влекли?

Давноль громилъ Онъ буйны царства,
Гордыню кротостью смирялъ;
И узы хитраго коварства
Единымъ словомъ разрывалъ? ..

Давноль примѣромъ и дѣлами
Онъ исправлялъ развратный вѣкъ,
И падшимъ предъ Его стопами
Онъ говорилъ: *Я человѣкъ.* —

Ты правъ, Возстановитель троновъ,
Народовъ другъ, примѣръ владыкъ,
Отецъ спасенныхъ милліоновъ!..
Ты правъ: *лишь Богъ одинъ Великъ!* — (*)

И. Иванчинъ-Писаревъ.

(*) Во многихъ Манифестахъ, Приказахъ по арміи и въ Указѣ на прошеніе Св. Сѵнода, Государственнаго Совѣта и Сената, покойный Императоръ старался отклонять народъ свой отъ намѣренія назвать Его *Великимъ* и часто употреблялъ сіе выраженіе.

Конецъ.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
№
„ " 193 г.

ПЛАНЪ

Дворца Государя Императора АЛЕКСАНДРА Iго

въ Таганрогѣ.

ИЗЪЯСНЕНІЕ ПЛАНА

ТАГАНРОГСКАГО ДВОРЦА

АРХИТЕКТОРА

ОСИПА ШАРЛЕМАНА.

1. Главной подъѣздъ и лѣстница.
2. Большая зала, отдѣляющая покои Государя отъ покоевъ Императрицы.
   a) Возвышенность, на которой тѣло Его Величества было выставлено.
   b) Налой для чтенія Св. Евангелія надъ тѣломъ.
   c) Подушки, на которыхъ лежали Регаліи.
   d) Большіе подсвѣчники.
3. Кабинетъ Его Величества:
   e) Диванъ, служившій смертнымъ ложемъ Августѣйшему больному.
   f) Каминъ.
4. Уборная.
5. Для дежурнаго каммердинера.
6. Прихожая.
7. Особенный подъѣздъ Его Величества.
8. Покои Ея Величества Императрицы.

ИЗЪЯСНЕНІЕ ПЛАНА

ТАГАНРОГСКАГО ДВОРЦА

АРХИТЕКТОРА

ОСИПА ШАРЛЕМАНА.

1. Главной подъѣздъ и лѣстница.
2. Большая зала, отдѣляющая покои Государя отъ покоевъ Императрицы.
   a) Возвышенность, на которой тѣло Его Величества было выставлено.
   b) Налой для чтенія Св. Евангелія надъ тѣломъ.
   c) Подушки, на которыхъ лежали Регаліи.
   d) Большіе подсвѣчники.
3. Кабинетъ Его Величества.
   e) Диванъ, служившій смертнымъ ложемъ Августѣйшему больному.
   f) Каминъ.
4. Уборная.
5. Для дежурнаго каммердинера.
6. Прихожая.
7. Особенный подъѣздъ Его Величества.
8. Покои Ея Величества Императрицы.

9. Терраса.

10. Сѣни и корридоръ, ведущій въ церковь.

11. Церковь.

12. Караульня.

13. Будки для часовыхъ.

A) Греческая улица.

B) Улица на гласисѣ крѣпости.

C) Садъ.

Примѣчаніе. Мостовая на дворѣ идетъ спускомъ къ саду, который также на спускѣ, такъ что съ террассы (№ 9) чрезъ садъ видно море.